

П. ДУДОЧКИН

ТЕТЕРЕВИНАЯ ТРЕВОГА

Издательство
„МАЛЫШ“
1979

ТЕТЕРЕВИНАЯ ТРЕВОГА

Посреди зимы случилась оттепель — мороз поутру неожиданно спал, заморосило. А к вечеру снег повалил хлопьями, опять подморозило, появился гололёд. К ночи мороз затрещал пуще прежнего, старожилы — и те диву дались:

— Ну и заковало!

Ранним утром шумливая ватага школьников с лопатами в руках пошла к лесу вместе с учителем Владимиром Петровичем. Впереди всех бежала рыжая Лайка.

Было непонятно, что встревожило учителя и детвору. Зачем понадобились лопаты?

— Эй, дружок, что случилось? — спросил прохожий паренька, догонявшего своих товарищей.

— Тревога! — на ходу ответил пареньёк.

— Какая тревога?

— Тетеревиная!

С маленькой лопаткой на плече, он быстро бежал напрямик через сугробы, но не проваливался. Оттаявший верхний слой снега до того смёрзся — взрослых держит; идёшь по снежному насту, только хруст со скрипом стоит.

На окружённой берёзами маленькой полянке происходило такое, что не всем доводилось видеть: взметая снежные вихри, большущие птицы с шумом взлетали из-под ребячьих ног. Они громко хлопали крыльями, будто пугали всех. Только и раздавалось вокруг: „Шу-ух-порх! Шу-ух-порх!“

Собака металась то туда, то сюда и заливалась звонким лаем.

Раскрасневшиеся ребята, сбросив полушубки, крошили лопатами наст.

— Эй, Черныш, вылезай из плена!

— Ого, какой! Довольно спать!

Испуганные птицы тяжело подымались в воздух и, хрустя заиндевелыми ветками, прятались на деревьях подалеже от людей.

Это были лесные тетерева-красавцы.

В зимние вечера, особенно в лютые морозы, стаи тетеревов, наглотавшись мёрзлых берёзовых почек, выбирают укромные сугробистые лесные полянки, камнем падают с деревьев в рыхлый снег, закапываются и ночуют в снежной спальне: тепло и не дует, да и хоряка с куницей можно не бояться — не найдут.

Назавтра, выспавшись в мягкой постели, птицы взлетают на берёзы, чтобы опять отведать вкусных почек.

Спят птицы чутко. Когда нет наста, они легко выпархивают из глубокого снега. Даже хитроумным лисам, охочим до вкусной тетереватины, не всегда даётся добыча. Если впопыхах попадёшь на такую полянку, с непривычки жуть возьмёт: вдруг поднимутся снежные вихри: „Шу-ух-порх! Шу-ух-порх!“

А вот когда сверху образуется толстая твёрдая корка снега, тетеревам очень трудно, а то и вовсе невозможно выбраться на волю. Так случается, если после большой оттепели наступает сильный мороз.

Егеря стараются примечать тетеревиные ночлежки, чтобы выручить птиц, если в беду попадут. К счастью, случается это редко, но всё же случается. Иногда находят весной на лесных проталинах погибших тетеревов.

Долго учитель водил своих юных друзей по полянке, отыскивая „тетеревиные спальни“, чтобы вызволить на свободу пернатых пленников. Ребята сами уже наловчились угадывать, где заночевали косачи: примечай в снегу неглубокие ямки (они хорошо заметны, если не было снегопада) и кроши настовую броню. Поблизости от ямки, сделав в снегу небольшой коридор, наверняка дремлет затаявшаяся птица.

И Лайка помогала. Подбегала к ямкам в снегу и лаяла: „Вот где тетеревиная спальня!“

Иногда из лесу доносилось тревожное тетеревиное бормотание.

— Слышите? — вытирая со лба пот, шутил Владимир Петрович. — Это косачи говорят: „Спасибо, что из неволи выручили!“

„РЫБЫ ФОРТОЧКИ“

Была зима, день ото дня мороз крепчал. На колхозном пруду, где детвора каталась на коньках, то и дело раздавался громкий треск. Можно было подумать, кто-то поблизости стреляет из ружья. Это трескался лёд от мороза. Малыши вздрагивали от испуга и спешили к берегу: боялись, что провалятся.

— Дед Мороз стреляет! — смеялись ребята постарше.

— Ну как, герои, лёд нынче толстый? — спросил председатель колхоза Василий Ефимович, подъехавший к пруду в санях.

Он быстро спустился на лёд и стал разглядывать извилистые трещины.

Ребята тоже поглядывали. Кое-кто даже лёг на живот, прильнул лицом к самому льду.

В зеленоватой толще между трещинами светились белые пузырьки. Это были пузырьки болотного газа метана, оставшиеся во льду. Но даже самые глубокие трещины не доходили до воды.

— Ух ты, какой толстенный! Вот это лёд! — удивился

Никита, разметая рукавицей кристаллики инея, которые сыпались с прибрежных ракушек.

Растирая варежкой побелевший нос, Дёма сказал:

— Тут каждую зиму такой лёд.

Василий Ефимович покачал головой:

— Плохо рыбе в нашем пруду.

— Почему плохо? — спросили ребята.

Василий Ефимович стал рассказывать. Чем толще лёд, тем меньше остаётся воды. Рыбам иной раз не хватает воздуха. А дно илистое, с гниющими растениями, и поэтому выделяется вредный для рыб болотный газ. И рыба может задохнуться.

— Это называется замор! — с видом знатока протянул Дёма. — Тут, я помню, уже был замор. Когда весной лёд растаял, я сам видел мёртвую рыбу.

— Вот и давайте позаботимся о рыбке, — посоветовал Василий Ефимович. — Сделаем проруби. „Рыбьи форточки“. Освежим воду.

Детвора тесным кольцом окружила Василия Ефимовича.

Он стал рассказывать, как надо делать проруби, чтобы в воде стало больше кислорода.

— Дядя Вася, мы сделаем! Разрешите! — стали просить ребята. — Сколько надо прорубей?

— Вожатый у вас есть? — спросил Василий Ефимович.

— Я вожатый! — гордо ответил Дёма, поправляя сбившуюся на лоб заячью ушанку.

— Отлично! Ты будешь командовать. А пока ступайте домой, снимите коньки и обуйтесь, как я, в валенки с галошами.

Через полчаса дети вернулись на пруд. Василий Ефимович привёз в санях лопаты, топоры и лопаты. Всем хотелось получить инструменты. Он показал, в каких местах долбить лёд.

— Рубите попеременно! На двоих по одной проруби!

И сам взялся за лом.

Работа так и кипела.

Кусочки льда, сверкая на солнце, искрами разлетались во все стороны.

Дёма и Никита работали в одной паре. Они по очереди долбили острым ломом. Раз! Раз! Лом с глухим звоном вбивался в крепкий лёд. Раз! Раз! Раз!

Долбить пришлось долго. Ребята раскраснелись. Всем стало жарко. Зато с каждой минутой ямки во льду становились всё шире и глубже.

Наконец Дёма изловчился, размахнулся и с такой силой ударил, что лом глухо, без звона, провалился и застрял в пробитом насквозь льду. Никита помог ему вытащить лом. Из маленького отверстия забил фонтанчик.

— Вода! Вода! — радостно закричал Никита.

Подошёл Василий Ефимович, взял лом, продолбил и выровнял оставшийся в проруби лёд, мелкие куски выбросил лопатой на снег. Прорубь вся доверху наполнилась водой.

Вскоре у поверхности воды стали шнырять карпы и караси. Они шевелили плавниками и жадно хватали ртом свежий воздух. Временами даже чмоканье слышалось.

— Ишь, как по воздуху рыба соскучилась! — сказал Никита.

Ребята перестали шуметь, боялись отпугнуть рыбу.

Незаметно прошло несколько часов. На пруду уже чернело много прорубей.

Но стояли морозы, и вода быстро затягивалась новым прозрачным ледком.

И вот каждый день ребята приходили на пруд, разбивали молодой лёд — открывали „рыбьи форточки“.

КАК РЕБЯТА УЛОЖИЛИ СПАТЬ МЕДВЕДЯ

На станции юных натуралистов переполох: медведь клетку ломает. Поймали его два года назад, маленького, месяцев шести, и с той поры он чаще всего бывал смиренным, редко рычал сердито, только скулил, когда есть хотел. Даже гладить себя позволял. А тут ревёт и так хватает за железную решётку — вся клетка ходуном ходит.

Юннаты Дёмка и Никита, дежурившие на станции, вошли в сарай-медвежатник, а их бурый питомец взревел вдруг диким рёвом и прыгнул на дверцу. Ребята опрометью выскочили из сарая и дверь захлопнули.

— Что ж это такое с Топтыгиным случилось? — прошептал Никита.

— Не... не... не знаю, — дрожащим голосом пролепетал Дёмка.

Переведя дух, друзья чуть-чуть приоткрыли дверь и ласково начали приговаривать:

— Мишутка! Михайло Иванович!

А медведь как рявкнул:

— Гра-ра-ру!

Ребятам показалось, будто он грозит:

— За-де-ру!

Опять захлопнули дверь: стоят, не знают, что делать.

— Может, его кто-нибудь раздражил? — спросил Никита.

— Кто ж его раздражит? — недоумевал Дёмка и защёлкнул дверь на железный засов.

Медведь то ревел, то скулил без умолку.

— Как же мы накормим его? — беспокоился Дёмка. — Кто первый пойдёт в сарай?

— Ладно, давай я пойду, если ты сробел, — согласился Никита, хотя у самого мурашки по спине бегали. — Клетка надёжная, не ломает.

Чтобы друг не подумал, будто он трус, Никита открыл дверь, шагнул в сарай и показал зверю кусочек сахара, любимое Мишкино лакомство.

— Вот тебе, Михайло Иваныч, гостинец!

А медведь взревел пуще прежнего:

— Гра-ра-ру!

Дёмке стало жарко, он расстегнул пиджак и остановился, но, видя, что Никита без робости направился к клетке, тоже пошёл, правда, потихоньку, а всё же пошёл, держа в дрожащих вытянутых руках алюминиевую миску.

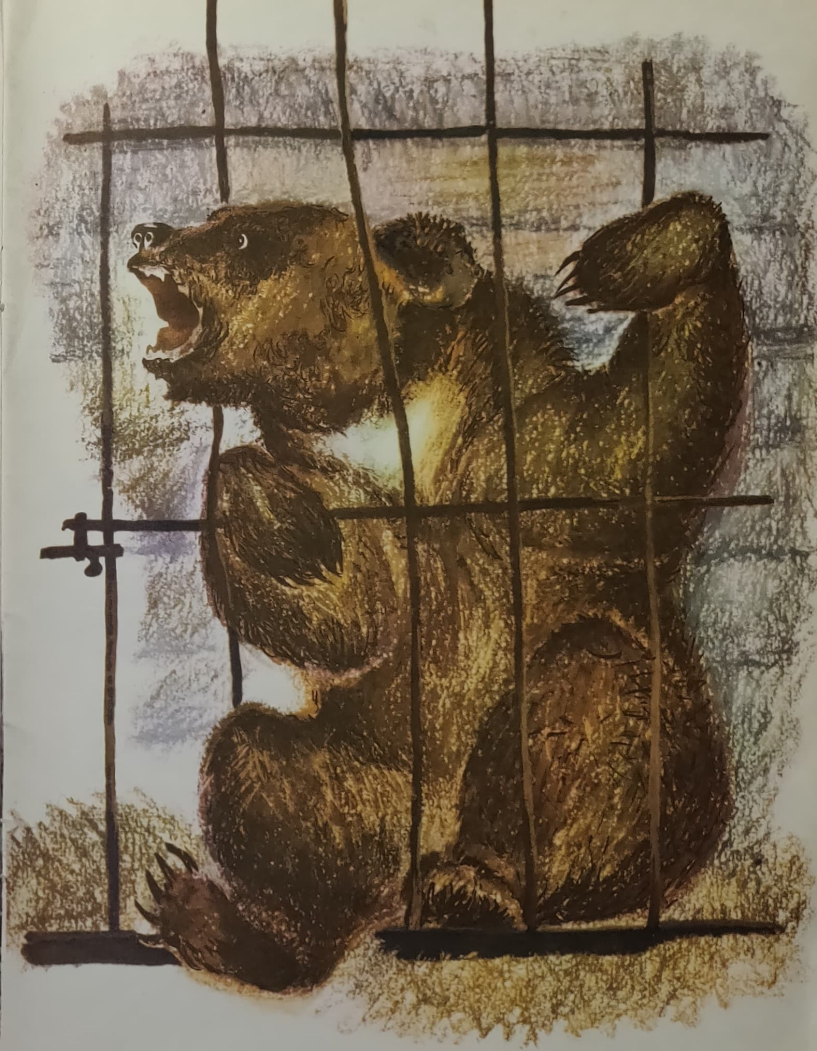
— Не реви, мы тебе кашу несём. Овсяную! И сахару дадим! — крикнул Никита и кинул в клетку кусочек сахара.

Медведь вяло, без охоты, подобрал сахар и, причмокивая, съел. Тем временем Дёмка сунул под дверцу миску.

— Ешь свою кашу.

Но Мишка ни разу не понюхал вкусное блюдо. Всё метался и метался из угла в угол.

— Гра-ре-ру! За-де-ру!

Не зная, чем его успокоить, юннаты постояли-постояли и ушли.

— Ну и чудило наш Топтыгин! — удивился Дёмка. — Осень кончается, в лесу, наверно, все медведи утихомирились, спят в берлогах, а этот разбушевался.

— Может, и он в берлогу просится? — озабоченно спросил Никита, но вдруг стал уверять, что этого никак не может быть: ведь их Топтыгин только родился в берлоге, а зимовать ни разу в лесу не зимовал, осень на станции встречал, — откуда ж ему знать, что пора в берлогу?

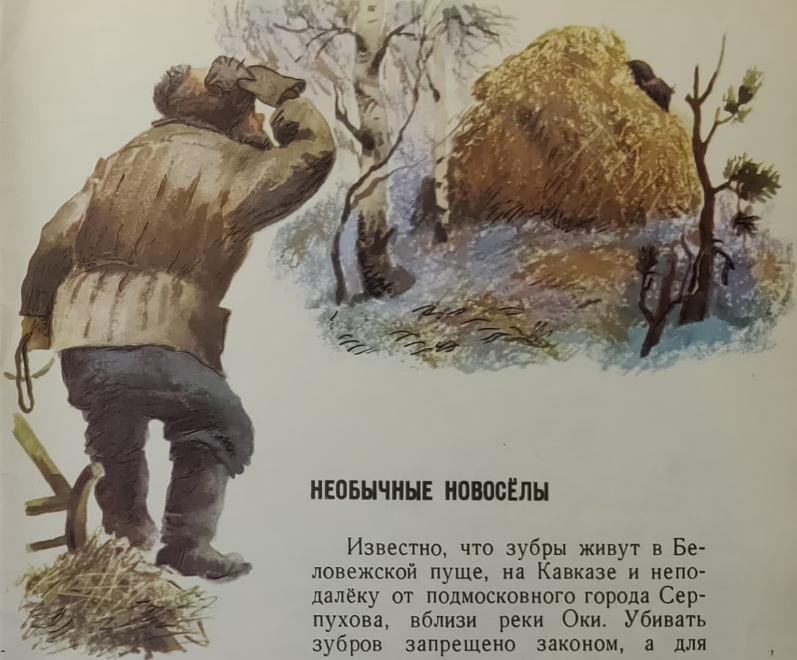
— Наверно, по-звериному чувствует, — сказал Дёмка.

Друзья хотели идти к директору станции, чтобы обо всём рассказать, но вспомнили, что уже несколько дней не бросали в клетку свежей подстилки и притащили по большой охапке соломы, наволокли её в клетку столько, что и медведя не видать.

Мало-помалу медведь перестал бесноваться, залез в солому, притих. На цыпочках вышли юннаты из сарая, обрадованные, что наконец-таки Мишка угомонился.

А Топтыгин сделал себе логово в соломе и, притихший, улёгся, будто в берлоге. Лежит и тихо-тихо посапывает.

— Я же говорю, — твердил Никита, — сам в книжках читал, у зверей своё чутьё, звериное. Вот и наш Топтыгин, хоть ни разу не зимовал в берлоге, а холода пришли — чувствует: пора спать.

НЕОБЫЧНЫЕ НОВОСЁЛЫ

Известно, что зубры живут в Беловежской пуще, на Кавказе и неподалёку от подмосковного города Серпухова, вблизи реки Оки. Убивать зубров запрещено законом, а для ухода за ними государство выделяет средства. В заповедник, где содержатся зубры, специально корма привозят. Ведь их на всём белом свете всего-навсего несколько сотен. А теперь эти огромные дикие животные поселились и в лесу около Московского моря.

Дело было так.

Колхозный конюх дед Савельич вместе с Никитой и Дёмой поехали за сеном на луг, что неподалёку от Московского моря. Приехали и глазам своим не верят: первая копна у канавы под берёзкой повалена и поодаль на опушке леса вторая копна вся разворошена.

Кто же это натворил?

Пригляделись — на снегу следы вроде коровьих, только больше. Никита и Дёма никак не могли понять, как сюда коровы забрели. До колхоза шесть километров, кругом ни жилья, ни дороги, одна лесная тропинка вьётся к селу. А тут коровьи следы!

— Лося озоровали! — уверенно сказал Никита.

Дед не согласился:

— Нет, внучек, не лося.

— Олени?

— И не олени.

— Тогда дикие козлы или косули? — спросил Никита. Он знал, что в лесах поблизости есть заповедник, а в заповеднике водятся самые разные звери.

Дед показал на землю:

— Видите, какой след? Даже ладонью не закрыть. Разве есть на свете козёл с таким громадным копытом?

— А кто ж тут наследил? — спросила Лёля.

Дед заговорил о другом.

— Сегодня, пожалуй, вон ту копну возьмём, разрытую, что снегом не замело, — сказал он.

К самой копне Ворон не пошёл, почему-то остановился, фыркнул, попятился. Никита первым выпрыгнул из саней, за ним Дёма и дед.

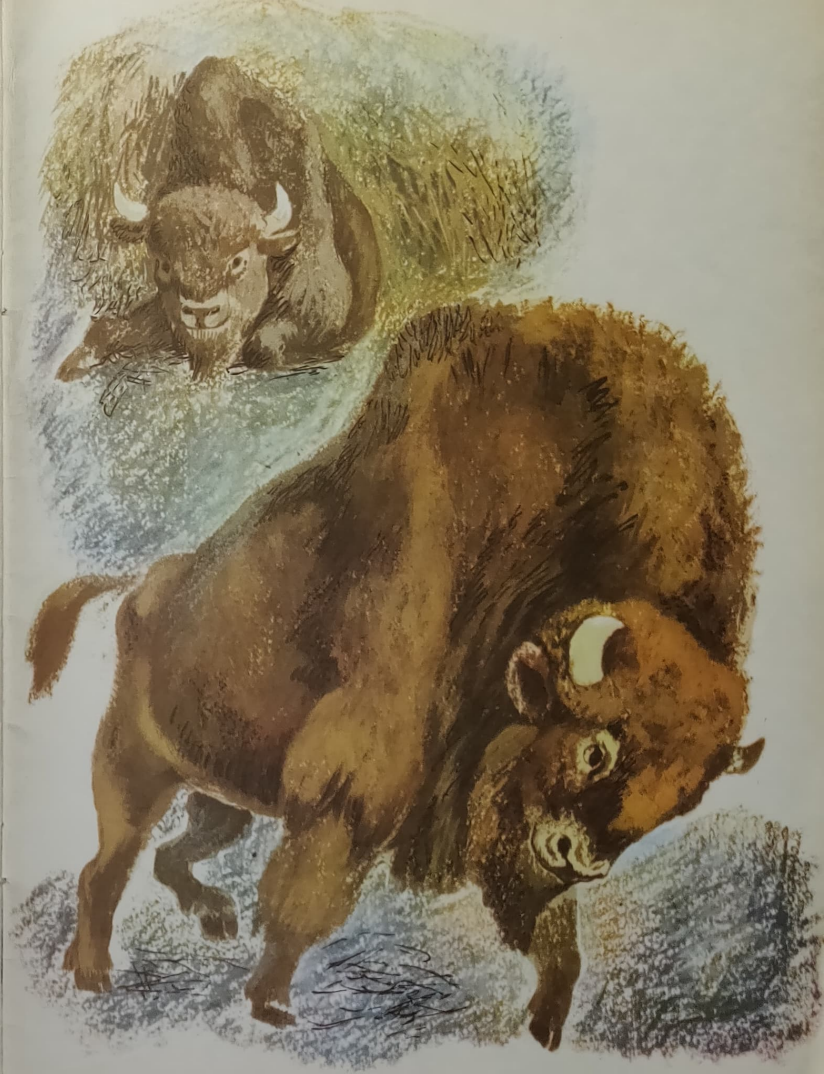
В эту минуту за кучей сена кто-то заревел, да так глухо, прерывисто, что ребят в дрожь бросило.

— А ну, быстрее садитесь! — крикнул дед и, прыгнув вслед за ребятами, торопливо дёрнул вожжи.

Ворон фыркнул и так понёсся, что и погонять не пришлось.

Ребята оглянулись и только теперь всё поняли. Около развороченной копны стояли два зубра, огромные-преогромные. В колхозе ни одного быка такого нет. До этого они лежали и не были видны, а теперь, потревоженные, поднялись. Один зубр подкидывал рогами сено, а другой бил копытом по земле. Страшные!

— Вот это кто! — испуганно прошептал Дёма.

В колхозе знали, что в ближние леса привезли из Беловежской пуши двух зубров. Но никто не знал, какое место облюбуют себе четвероногие новосёлы. Оказывается, вот где прижились — на лесистых пустошах, в болотах, где копны сена из душистого разнотравья. Ещё бы! Побродят по лесу, пожуют веток, отведают сена, а насытившись, тут же прямо на снегу и отдохнут. Корм рядом — лучшего места для лёжки не отыщешь.

— Наше сено понравилось зубрам, — обрадовался Никита.

— Пускай едят, не жалко! Лишь бы прижились! Ради таких гостей можно и клеверу привезти, — ответил дед, довольный, что удалось подбру-поздорову уехать. Ведь с зубрами, если они разъярённые, встречаться опасно.

— Где же сено? — спросили конюхи, когда дед и ребята подъехали в пустых санях к конюшне.

— Ездили-то за сеном, вернулись без сена, — ответил Савельич, распрягая Ворона.

— Мы зубров нашли! — объяснил Никита.

— Самых настоящих! — подтвердил Дёма.

— Словом, ездили с зубрами встречаться, — шутливо добавил дед и рассказал всё, как было.

Подумали-подумали колхозники и решили больше не ездить на луговину за сеном. Оставили зубрам. А для того, чтобы им было не хуже, чем в Беловежской пуще, дед Савельич с ребятами возил зубрам клевер и другие корма.

СОДЕРЖАНИЕ

Тетеревиная тревога	3
«Рыбы форточки»	7
Как ребята уложили спать медведя	11
Необычные новосёлы	15

Для старшего дошкольного возраста

Петр Петрович Дудочкин

ТЕТЕРЕВИНАЯ ТРЕВОГА

Художник *Т. Зеброва*

Редактор *Н. Сендеров*. Художественный редактор *Ю. Поливанов*.
Технический редактор *Н. Жатеня*. Корректор *С. Блиштейн*.
Сдано в производство 3/IV-77 г. Подписано в печать 13/II-79 г.
Ф. 603908, офс. № 1. Уса. печ. л. 2,5
Уч. изд. л. 2,09. Тираж 300 000. Изд. № 879. Заказ № 294. Цена 30 коп.
По оригиналам издательства «Малыш», Москва, К-65, Бутырский вал, 68
Московский комбинат бумажных изделий Российского
промышленного объединения по производству игрушек
«Роспромигрушка» Министерства легкой промышленности РСФСР
Москва, Лосиницкая, 30
Фабрика офсетной печати № 2 Росглавополиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли, г. Дмитров,
Московской области, Московская 3. Зак. № 876.

Д 70801—296 без объявл.
М 102(03)—79

© Издательство «Малыш» 1979